

## **КРУКОВСКИЙ В МОЕЙ ЖИЗНИ**

*H.H. Александров*

Эту удивительную историю, которая еще и не завершена, я давно собирался рассказать, вот только подходящего случая никак не находилось.

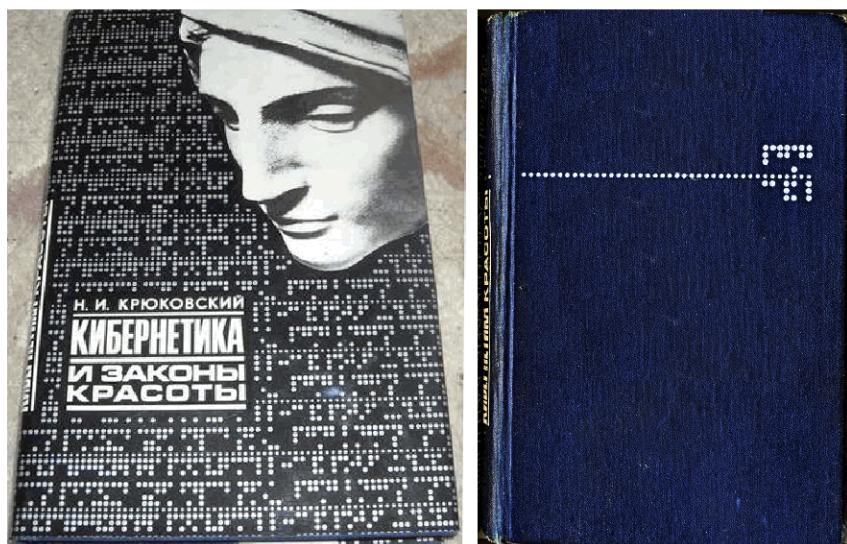
Я по второму образованию дизайнер. И когда я учился в Харькове в 1976-81 годах, я много путешествовал. Одно из таких путешествий было в Минск, где я общался с замечательными местными дизайнерами, причем, я так считаю, в Минске в то время зародилась новая школа пропедевтики мирового уровня. Это школа моего друга Олега Викторовича Чернышова, о которой можно написать отдельную книгу. Я и тогда был от нее в восторге, и сейчас не изменил своего мнения. Я пишу о нем в своей последней книге.

Гуляя по Минску 70-х, я естественно поражался книжным магазинам этого города. Я увез оттуда пару чемоданов книг, и если бы у меня было побольше денег, то и чемоданов было бы еще несколько. Одна из этих книг в серебристой суперобложке до сих пор стоит среди немногих избранных над моим рабочим столом. Это небольшая книга «Кибернетика и законы красоты» Н.И. Крюковского. Книга, которую он сам считает скорее побочным продуктом своей магии, но мне вот так свезло, что с нее началось мое знакомство и с эстетикой, и с этим автором. Я с ним потом встретился, мы поговорили у него на кафедре и дома, и между многими темами он упомянул о своем знакомом из г. Горького эстетике Л.А. Зеленове – он нередко цитирует его в своих книгах. Будучи человеком последовательным, в 1981 году я впервые приехал студентом в город Горький, где потом дважды защитился и теперь живу. Но это тоже особая история, и длится она до сих пор, поскольку я только что вернулся с последнего симпозиума – их проводит Л.А. Зеленов с 1972 года. Так что у меня есть у кого учиться и с кого брать пример.

Вернувшись в Харьков, я начал немедленно читать и конспектировать книгу Н.И. Крюковского. А надо сказать, что еще на первом курсе, будучи правоверным дизайнером, я увлекался темой развивающей педагогики и

развивающей среды. Мой диплом был тоже про это. Такой поворот темы заставил меня изучать все интересное в педагогике, поскольку в современности эта тема как-то мало кого уже занимала. Я прочел всех классиков педагогики и как раз дочитывал второй том С.Т. Шацкого, когда друзья предложили мне прокатиться недалеко от Харькова – в Белгородскую область, где в поселке Ясные Зори работал М.П. Щетинин тогда «всеми гонимый» педагог, который, по слухам, организовал в своей школе новую систему развития – и детей и самой школы. Мы познакомились, школа нам понравилась, люди еще больше, и тогда мы решили продолжить сотрудничество после выпуска – наши интересы совпадали. Проблема была только в том, что «некие силы» этот эксперимент в Ясных Зорях закрывали и Щетинин готовился отбыть на новое место, которое как раз подыскивал. Как потом оказалось, это было село Зыбкое Онуфриевского района Кировоградской области. Куда я и приехал сразу после выпуска. Двое моих друзей уже были там почти год, но они пока в отпуске.

Вот в этот промежуток между концом четвертого курса и дипломом я и начал по-настоящему осваивать книгу «Кибернетика и законы красоты».



*Rис. 1.*

Освоение состояло в том, что я читал небольшой отрывок, конспектировал и выписывал цитаты, приходил в восторг – и дальше меня несло, поскольку я натура художественная. Я размышлял о том, как

достигнуть гармонии в человеке, какими педагогическими приемами эту гармонию развить, как создать развивающую среду, способствующую этому и т.д. Кроме того, я параллельно осваивал методы, которыми это делалось в мировом дизайне и особенно – в нашем дизайне и педагогике 1920-х годов. Несколько тетрадей этих конспектов и записок были моим главным багажом, когда я приехал в село Зыбкое.

Был конец лета, все в отпусках, Село есть село, все в своих заботах, на полях. И я оказался в двусмысленной ситуации полной ненужности и даже ощущения голода. Помнится, пару недель питался грушами и яблоками из школьного сада, поскольку из прокормочных заведений там была одна рюмочная или нечто в этом роде. Тем не менее, мне удалось в этот длинный месяц август постоянно беседовать со Щетининым и я рассказал ему все свои наработки, нимало не заботясь о том, какие это будет иметь последствия. В практическом плане он дал мне свободу действий и пару бригад разновозрастных учеников, и я за очень короткий срок превратил обычную школу в сложное художественное произведение: передал детям технологии плетения из прутьев, мозаики, граффито, дизайнерских приемов расписывания пола и стен и т.д. – опыт имел хороший. Например, дети притаскивали разные цветные бутылки, мы их били на куски вставляли в цветной цемент – получился вход в школу, который издалека сверкал всеми красками и «играл», меняя свои оттенки по мере приближения. Никто и поверить не мог, что это сделано так просто и скоро, причем детьми. Плетеные кашпо в коридорах и на стенах, рассыпь цветов и шаров на полу и стенах, белые рельефы на глухих стенах – все это делали сами дети при минимальном обучении с моей стороны – только показ, и пробы. Щетинин ходил в восторге и говорил окружающим – смотрите, он только дирижирует, а все возникает как бы само собой. Какие дети талантливые!

Начиналось все здорово, но, тем не менее, кончилось это все через полгода, когда я уже лидировал по рейтингу среди учеников и ко мне на показательные уроки ходила едва ли не большая часть учащихся и педагогов.

Эти полгода в атмосфере творчества и полной неустроенности показали мне, что Щетинин хорошо схватывал и воспроизводил то, что я ему говорил. Но очень скоро он понял, что возникает ситуация «двоих медведей в одной берлоге» – мне поневоле пришлось превращаться в лидера, чтобы отстоять интересы молодых педагогов, которых все рассматривали как материал эксперимента, и не более того. Эта ситуация потом повторялась и в других школах Щетинина. Недолго думая, я переехал в город Тольятти, где по приглашению отдела культуры начал делать «Программу эстетического развития населения города». Я ее таки сделал, хотя опять была крайняя нищета и неустроенность, но об этом в другом месте и в другой раз. Вот тут-то мне и пригодилось знание эстетики, и прежде всего – книга Круковского.

Любопытно, что практически все наши бесконечные ночные беседы, где я рассказывал про учение Круковского, Щетинин конспектировал. Я это понял по тому, что он потом переспрашивал и уточнял. Что-то он адаптировал, но многое для него было и остается непонятным, у него своя селекция. По его речам я наблюдал, что это был его постоянный прием подпитки от кого-то новенького, и эти новенькие точно так же пишут про это в интернете. Потом в своей беллетристике он отзывался обо мне с неприязнью – Бог ему судья. Увы, но он и этот эксперимент в Зыбком вскоре похоронил и перелетел на какое-то южное место побогаче, а потом еще раз и т.д. Кстати, на волне перестройки Щетинин стал даже академиком АПН, не имея ни одной научной работы, не говоря уж про диссертации или публикации. Я нашел только пару его назидательных книг в духе Сухомлинского, где он поминает дизайнеров, помогавших ему в Зыбком, но меня там нет. А вот несколько глубокомысленных следов наших бесед летом 1981 года там присутствуют. Таким вот косвенным путем схемы и понятия Круковского забрели в мир поисковой педагогики.

Казалось бы, коль мы начали о Крюковском, к чему тогда такие зигзаги? Ответ прост: чтобы показать возможности какой-либо теории, нужно продемонстрировать ее применимость на практике. И я делаю это на

своем личном опыте, как это любят делать японцы. Путь важнее формулы. Кому надо, пусть ищет формулы, а здесь поговорим о Пути идей.

Разумеется, я постепенно собрал все книги Н.И. Крюковского (ныне Круковского) и прочел их взахлеб. Одна из них совершенно уникальная по тематике, вывешена на моем сайте.



Рис. 2.

Жаль, что их не так много, но вот из его статей можно собрать настоящий многотомник. А пустышек среди них нет, даже в интервью, пересказанном чужими словами, он предстает как монолит. Последней в моей коллекции стала первая книга Николая Игнатьевича «Логика красоты», которую он снял с полки своей личной библиотеки и прислал мне с надписью – вот уж раритет так раритет в моей судьбе.

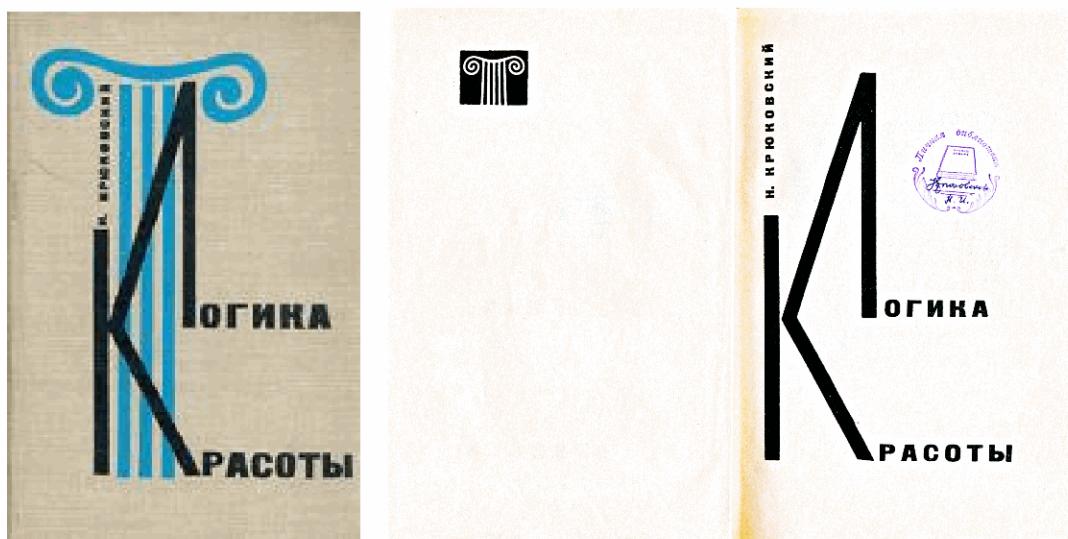


Рис. 3.

Как только завершу сканирование, помешу и ее в интернете. Из наших оригинальных эстетиков советского периода, если кого и стоит читать помимо А.Ф. Лосева, так это Н.И. Круковского и Л.А. Зеленова: свой метод, ясность изложения, превосходная аргументация. Я, кстати, даже защитившихся аспирантов Круковского читаю с интересом. И еще, к слову, в перечне личной библиотеки Лосева есть эта первая книга Крюковского.

Но вернемся к канве моей истории.

Как только я начал учить детей в школе искусств в Тольятти, уже по своей программе, и одновременно делать долгосрочную «Программу эстетического развития населения города», мне понадобилась теоретическая эстетика. Я прочел все, что можно было тогда найти по этой теме в городе, и многое выписывал по МБА. Это потом облегчило мне составление лекций по эстетике, которые я начал читать в институтах и студиях города почти сразу по прибытии. Дизайнеры-модельеры приходили от этих лекций в восторг, хотя многим они казались сложными. Но те из них, кто поездил по миру и многое посмотрел и послушал, говорили, что это было уникально. И они задавали мне вопросы, которые заставляли думать, – у нас стиль общения такой сложился, мы подружились. Поначалу я просто преподносил им разные теоретические конструкции, но потом спросил себя – а почему они, собственно, разные? И попробовал объединить их. После множества попыток я понял, что различие – в методах и ракурсах, и именно там, на уровне метода, можно либо снять противоречия, либо синтезировать свое. И занялся еще и методологией науки, чтобы решить эту проблему.

В городской программе, когда строишь теоретическое основание, нужно точно отвечать на массу принципиальных вопросов. Обтекаемыми формулировками не обойтись, поскольку дальше идут направления развития, структуры и финансирование. В программе эстетического развития нужны были ответы не только точные, но и всеобщие. Поэтому сам того не зная, я писал свою эстетику, синтезируя все стоящее, не только на уровне теории. Самым стоящим оказался метод Круковского, который, конечно же,

опирался и на Гегеля и на многих других циклистов. Поскольку я жутко последовательный человек, я эту тему эстетических циклов раскручиваю до сих пор: с 1980 по 2013, – 33 года. И мне пока не скучно. С тех пор я написал 46 книг, а в развитие учения Круковского – больше половины из них.

Кстати, как оказалось, мы больше приписываем Гегелю, чем он на самом деле сотворил. У него нет никакой такой теории цикличности, нет и понятия цикла. Хотя описывает он при конкретном анализе именно эстетическую цикличность, но различия уровней часто не видит. Поэтому, как это ни покажется странным, Круковский восхищается Гегелем, но если бы Гегель был жив, это ему следовало бы восхититься Круковским. Это отнюдь не преувеличение, поскольку нигде в мире не существует столь же последовательного и системного изложения сути эстетической динамики.

А потом в моей жизни была «Программа развития художественного облика города», которой я занимался уже, будучи Главным художником города, а позже – Главным дизайнером. Я написал про это в недавно опубликованной книге «Город и его проблемы».

А потом был Университет АВТОВАЗбанка, где я был ректором и заодно организовал свою кафедру дизайна. Ну и многое другое. Во всех этих ситуациях идеи Круковского я не просто использовал, я их развивал и синтезировал. И еще, что любопытно, многое из педагогических конспектов и идей развития Круковского в педагогику я в ходе этих странствий по жизни реализовал. Иногда совершенно неожиданно.

Самым любопытным был эпизод, когда АВТОВАЗбанк заказал нам что-то типа курсов подготовки операционистов, а нам удалось из этого сделать непрерывную систему образования: детский сад – школа – колледж – университет – проектно-программный исследовательский центр. Я убедился в необходимости такого пути, осмысливая ту самую книгу Крюковского «Кибернетика», там была такая схема распределения, которую я освоил. Эта система непрерывного образования в Тольятти существует по сей день, хотя уже давно помимо АВТОВАЗбанка, – на самоокупаемости. Кстати, щетинин-

ская история и здесь повторилась – мои идеи использовали, а от автора постарались избавиться. Кандидатскую я защищал в полумаргинальном состоянии, но с тернистого пути и потом не свернул. Все равно стал доктором философии и написал свою «Эстетику».

Что я нашел в этих идеях Николая Игнатьевича? Прежде всего, живое понимание диалектики как метода, причем, диалектики, привязанной к циклической парадигме. Теперь я называю ее триалектикой, поскольку на самом деле речь идет о движущих силах (противоречие) и траектории порожденного им процессуирующего третьего. Эстетика в этом отношении обладает очевидным преимуществом: ее продукция так или иначе материализуется в эстетических произведениях. И они потом говорят правду об истории. Историки могут сколько угодно искажать факты, а набор эстетических артефактов даже в обломках расскажет потом всю правду. Но для того, чтобы это понимать, нужна особая разновидность эстетической герменевтики. Ключ от нее содержится в книгах Н.И. Круковского. Жаль, что обнаружить этот ключ не всем по плечу.

Что интересно, я долгое время общался в письмах со своей будущей женой, а потом уже и в натуре, разбирая эту проблематику художественной герменевтики. Она осваивала Круковского в моей интерпретации на материале своей литературы – таким образом, мы рука об руку прошли весь курс мировой литературы. Какие-то его части были опубликованы, а для последней книги – «Циклы античной литературы» – сам Николай Игнатьевич написал предисловие. Вы представить не можете, в каком она была восторге, поскольку это заочное знакомство длилось те же 33 года. Он и знать не знал, что стал ключевой фигурой художественной герменевтики, которую она применила в педагогике искусства. И в ее докторской по культурологии – «Культурогенетика» – в основании положены все те же модели и принципы Круковского.

Что следует добавить, в ряде моих последних работ, например, в книге «Понимание искусства», я даю еще и свое понимание художественной

герменевтики на конкретных примерах. Увлекшись этой темой, я даже написал отдельную книгу о моей любимой картине Питера Брейгеля «Зима. Охотники на снегу». Это уже тонкая, почти нейрохирургическая аналитика искусства, в основании которой лежит все та же эстетика Круковского.

Я убежден, что Бог дает тому, кто стремится. Начиная с 1992 года, мы тесно сотрудничали с А.И. Субетто – дважды доктором, уникальным системогенетиком, квалиметристом и вообще очень живым и подвижным человеком, которого интересовали сходные со мной идеи циклизма и инвариантов. Он привнес в круг моих интересов комплекс идей системной генетики как особой междисциплинарной платформы, соединяющей системные идеи с генетическими. Мы провели с ним пару конференций, материалы я недавно переиздал в двухтомнике «Системогенетика-94», настолько они оказались удачными, авторитетными по авторам и не потеряли актуальности. Системогенетика Субетто была всеобщим и инвариантным обобщением того, над чем и я работал вот уже 10 лет. Просто он начал на поколение раньше и был более математизирован. Я рассказал ему комплекс идей Круковского, и он с интересом смотрел вечерами его книги, пока был у нас в командировке.

Таким образом, я для себя вышел на уровень инвариантов науки и все, что удалось понять в рамках эстетического поля, расширилось, точнее поднялось в надсистему. Недавно я опубликовал семитомник по своей «системной кинетике», как бы промежуточный итог обобщения этих инвариантов и поисков. Причем, вместо формул в нем фигурируют изображения и целая отдельная книга собрана из циклических произведений искусства, дизайна и архитектуры.

Модели Круковского для меня лежат в фундаменте всего этого, хотя теперь они обросли особой научной «плотью и кровью» и увидеть их там мало кто уже способен. Но такова вся наука, такова участь любых опорных теорий. Есть ряд отличных молодых авторов, которые уже часто цитируют меня, и я вижу по их эпитетам и восторгам, что они проходят тот же путь,

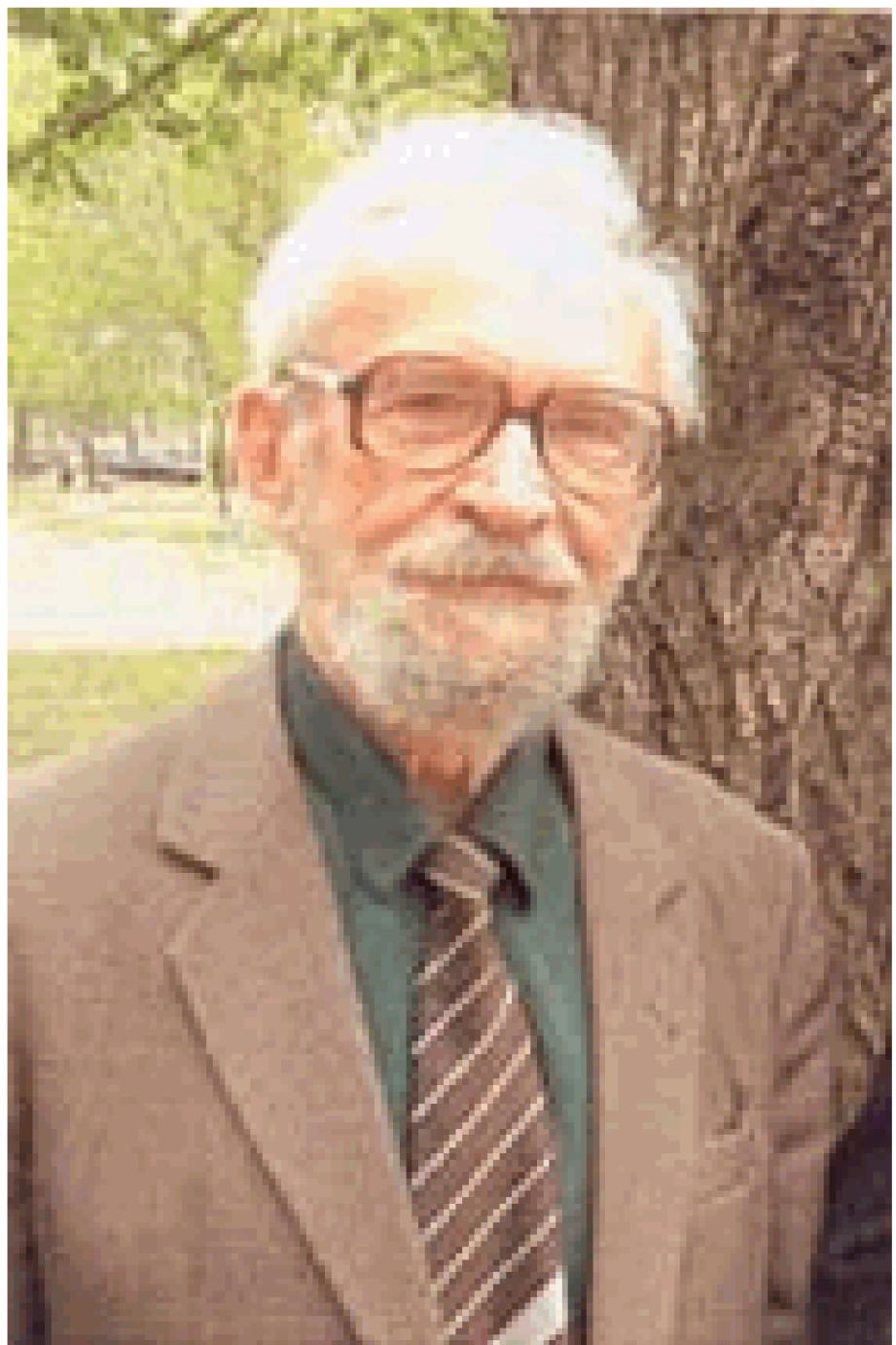
что и я в юности и зрелости – осваивают и вставляют в свое. Ну и отлично, даже если потом упоминать перестанут, главное, что будут использовать. На то и труд наш. Наука ведь по большому счету безлична.

Тем не менее, во всех моих книгах, где это возможно, я всегда вспоминал и вспоминаю своего учителя – который никогда не был моим прямым учителем, а жаль, – Николая Игнатьевича Круковского (Крюковского)\*. Долгих ему лет и здоровья.

\* **Пояснение:** на книгах, в том числе в интернете, фигурирует фамилия Крюковский. И этого уже не изменить, это история.

Но сегодня его фамилия Круковский, как у его рода.

Поэтому я в паре мест написал Крюковский (Круковский).



*Н.И. Круковский.*